

ОКСАНА СЕМЫК

КАПКАН

НА ОХОТНИКА

*Романтический
детектив*

16+

Оксана Семык
Капкан на охотника

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Семык О.

Капкан на охотника / О. Семык — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Этот иронический детектив, триллер и любовный роман «в одном флаконе» вошел в шорт-лист международного конкурса "Детектив без границ-2016". Татьяна Рощина не прочь после развода вновь устроить свою личную жизнь, разместив брачное объявление в Интернете. Но погибает ее подруга, и Татьяна случайно выясняет, что эта смерть - не единственная в цепочке других, подозрительно похожих преступлений. Татьяна начинает на свой страх и риск самостоятельное расследование. А вскоре маньяк начинает охоту и на нее. В это же время в жизни Татьяны появляются ищущие ее внимания мужчины. Неужели кто-то из них – серийный убийца?

© Семык О., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Глава 1

Я мчусь из последних сил сквозь какие-то заросли, больно царапающие моё обнаженное тело. Бешено колотящееся сердце, кажется, готово взорваться. Только бы не упасть! Бежать! От того, кто преследует меня, распространяя тяжелые флюиды опасности. Но огромная, всеобъемлющая усталость валит меня на землю. словно что-то неумолимое и неизбежное, нависает надо мной лицо моего преследователя, и я чувствую, как стальное лезвие сперва натягивает кожу на моём животе, а после с непередаваемо отвратительным ощущением входит в плоть...

Звонок будильника подбрасывает меня и вырывает из этого тягучего, тяжелого состояния ожидания собственной смерти. Я смотрю прямо перед собой ещё ничего не видящими глазами и тяжело дышу, пытаюсь успокоиться. Рука непроизвольно тянется к животу, к тому месту, где холодное лезвие касалось кожи. Пальцы ощущают только знакомый шрам после аппендицита. Постепенно начинает возвращаться ощущение реальности. Вместе с ним приходит досада. Ну чего хорошего можно ожидать от так отвратительно начавшегося дня? Выпростав ноги из под одеяла и сунув их в тапочки, я на ощупь, в утренних осенних сумерках, плетусь в ванную.

Щелкает выключатель. Зеркало отражает затравленное выражение в моем взгляде, перед которым все еще стоит эта бесконечная погоня по темным зарослям. Вроде бы обычный кошмар – с кем не бывает! – но какой-то липкий, не желающий отпустить. Я испуганно оглядываюсь в неосвещенную комнату, словно там притаился кто-то, имеющий отношение к моему жуткому сну. Да, нервишки ни к чёрту.

Пытаюсь скроить бодрую мину в зеркале и произношу нарочито громко: «Расслабься, старушка!» Но от звуков собственного голоса, гуляющих по пустой квартире, мне снова становится не по себе, я торопливо зажигаю свет в комнате и иду на кухню ставить чайник. Пока тот закипает, стараюсь навести порядок на помятом лице. Кажется, мне это удастся, вот только в глазах еще плещется что-то тревожное. Схватив с полки и натянув первый попавшийся под руку свитер, напяливаю джинсы и собираю волосы в «хвост».

Пора завтракать, но аппетит сегодня предпочел не появиться. Тем лучше. Я опрокидываю в организм чашку кофе, натягиваю куртку, шапку, хватаю сумку и вылетаю на лестничную площадку.

Часто ломающийся, хронически больной старый лифт сегодня не подвёл. Скрипнув исцарапанными створками, он нехотя принял меня в свои припахивающие мочой глубины, закрылся и, надсадно поскрипывая блоками, заскользил вниз. Обычно я выхожу из дома намного позже, но сегодня мне хочется скорее попасть на улицу, к людям, окунуться в уже закипающий ежедневный водоворот.

Около автобусной остановки, пытаюсь убить лишнее время, я изучаю стихийно возникшую доску объявлений. Мне любопытно читать эти разнокалиберные бумажки, шуршащие бахромой телефонов, отражающие чьи-то жизни, словно осколки зеркала. «Куплю», «Продам», «Обменяю», «Помогу». Век их недолог. Первый же ливень размочит на них чернила, и объявление «Ищу» заплачет фиолетовыми слезами, добавляя трагизма в содержание.

Подходит автобус, я инстинктивно бросаюсь в его сторону, но тут же одёргиваю себя: ещё слишком рано ехать на работу. Офис закрыт, и не хочется с глупым видом торчать у входа. Продолжаю чтение объявлений. Сегодня, как назло, почти все они из самой скучной категории – на тему обмена жилплощади. «Обмен», опять «Обмен», снова «Обмен». Непрошено всплывают воспоминания о том, как долго и трудно делили с бывшим мужем при разводе квартиру. Тогда, проходя через мучительный разрыв, я внимательно изучала любые предложения об обмене во всех газетах и на всех столбах. Именно с тех пор у меня и осталась эта привычка читать уличные объявления.

Я гоню от себя мысли о прошлом. Ведь не раз зарекалась больше не разводить сопли, а с оптимизмом смотреть в будущее. В конце концов, тридцать один год – ещё не старость, а развод – не конец света. Как там в той забавной поговорке? «Мужик – что трамвай. Уехал – не догоняй, жди следующего». Вот я и жду. Три долгих года. Как дура. Чего жду – сама не знаю толком. В ухажёрах отбоя нет, но всё не то. Все они пресные какие-то, скучные. Другая бы цепляла первого попавшегося и рада была, что не одинока. А я так не могу. Хочется единения душ, понимания с полуслова, влюблённости по уши. «Прынца» на белом коне, одним словом. Все ближайшее окружение, а также кандидатуры всех знакомых до пятого колена уже просеяны на предмет «мужепригодности» и отвергнуты в виду полного несоответствия идеалу. Осталось только опуститься до знакомства на улице или в каком-нибудь кафе...

Мысль останавливается, натываясь на очередное объявление: «Интернет-знакомства. Лучший способ поиска партнера для счастливого брака. Тел. 92-22-72. Спросить Ирину». Что-то раньше оно не попадалось на глаза. Наверное, повесили недавно, а уже все полоски с телефонами, кроме одной, оторваны. Пожимаю плечами. Что ж, судя по всему, бизнес у мадам Ирины идёт неплохо.

Я уже собираюсь отвести глаза от прочитанного объявления, но эта оставшаяся нетронутый, одиноко полощущаяся на ветру полоска с шестью цифрами притягивает взгляд, словно не случайно она уцелела, а, наконец, дождалась того, кому была предназначена. Уже слегка выцветшие знаки почему-то вдруг на мгновение наполняют сердце надеждой, и я, воровато оглянувшись: не смотрит ли кто, быстро отрываю и сую в карман узкую бумажную ленточку с телефоном.

Очередной автобус плавно подруливает к остановке, гостеприимно раскрывая свои двери, и на это раз я не отвергаю приглашения. Пора на работу. Времени остается как раз в обрез, чтобы добраться до офиса. К счастью, салон полупустой, и я плюхаюсь на свободное место у окна. По стеклу стекают мелкие капли начинающегося нудного октябрьского дождика, плавный ход автобуса убаюкивает, но расслабляться в дремоте нельзя – ехать относительно недалеко. С каждой остановкой народу в автобусе прибывает – верная примета движения в сторону центра. Пора выходить, и, плотно подхваченная с двух сторон такими же спешащими к выходу людьми, я выпадаю наружу.

Дождь зарядил сильнее. Я набрасываю капюшон и, взглянув на наручные часики, понимаю, что времени остается в обрез. Наплевав на взгляды прохожих, некрасивыми большими скачками перепрыгивая через лужи, какой-то невероятной походкой, напоминающей спортивную ходьбу, преодолеваю оставшиеся до офиса метры и пулей влетаю кабинет. Начальство не любит опозданий.

Глава 2

Как хамелеон, стараясь слиться с окружающей средой, проскальзываю в свой крошечный рабочий кабинетик, за тесноту прозванный мной «табакеркой». Он настолько мал, что вмещает в себя только стол, стул и книжную полку.

Завотделом Дора Сергеевна, женщина, словно уже рожденная для того, чтобы руководить, с громким голосом и монументальной, будто высеченной из цельного куска гранита, фигурой, вырастает на моём пути, недовольно морщась.

«Опять Рощина опоздала на пять минут», – читаю я на её лице.

Да, хамелеон из меня никудышный. Заметила. Обязательно накапает шефу. Это точно.

У нас с ней патологическая, глухая взаимная неприязнь, впрочем, не выходящая за рамки служебных отношений. Каждый раз, когда прямые обязанности вынуждают Дору Сергеевну общаться со мной, на её лице появляется странное выражение: как будто у нее ноют зубы. Однако не поручусь, что подобное выражение не проскальзывает и по моему лицу, когда завотделом устраивает мне очередной разнос за малейший промах.

Увы! Начальство не выбирают, а принимают как данность. Дора – это единственное, что отравляет моё наслаждение работой в издательстве «Пегас», где я тружусь литературным редактором. Редактор – это, на мой взгляд, звучит гордо, хотя, возможно, кто-то и посчитает его синонимом слова «неудачник».

Ну это ж надо было сегодня умудриться опоздать, выйдя из дома на час раньше обычного! Придется изображать трудовое рвение до самого обеденного перерыва, чтобы загладить вину.

Старательно пучу глаза на машинописные листы рукописи. Ручка бежит по строкам с удвоенной скоростью. Сегодня мне принесли для правки текст очередного «шедевра» королевы женского романа Ларисы Берсеневой.

Придется попотеть. По опыту знаю, что грамотность у этой «авторицы» ой как хромает.

Судя по количеству ошибок, госпожа Берсенева ещё в школе вместо того, чтобы изучать родной язык, потратила всю свою энергию на то, чтобы стать экспертом по делам сердечным.

Бегло пробегаю по диагонали первую главу. Сопли в розовой обертке. Ничего нового. Стандартный образчик жанра.

Готова спорить, что заранее знаю содержание. Они случайно встречаются. Влюбляются. Злые обстоятельства их разлучают. Но их любовь сметает все преграды. Они снова вместе и счастливы до свинячьего визга.

И вот эта фабула неплохо кормит Ларису Геннадьевну уже несколько лет. Впрочем, я, вот такая вся из себя умная, торчу в этом издательстве редактором на довольно скромную зарплату, а Берсенева огребаёт неслабые гонорары, так что от моей критики сильно попахивает черной завистью.

Да, пора, давно пора браться за перо. Хватит вычитывать и править чужие рукописи! В очередной раз обещаю самой себе написать на досуге что-нибудь высокохудожественное и продолжаю вкалывать.

В обеденный перерыв бегу в курилку. Нет, сама я не курю, но зато курит моя подруга, Агата Полежаева, которая тоже работает в нашем издательстве.

Хотя, если честно, не Агата она вовсе, ведь родители назвали её Аграфена, в честь то ли бабки, то ли прабабки. Старушке той, небось, минутная радость, а девочке всю жизнь так бы и промаяться с заковыристым именем. Но моя подруга не из таких терпивцев. Достигнув сознательного возраста, выяснив, что уменьшительно-ласкательно следует называть ее Груша, и закатив по этому поводу родителям истерику, она решила сама выбрать себе имя и заставить всех себя им называть. Вот так Аграфену уже в возрасте лет двенадцати прочно и навсегда заменила Агата.

Имя, когда-то взятое с обложки детектива, после переместилось какими-то ухищрениями и в паспорт. Да и идёт ей оно. Не могу объяснить, почему. Идёт – и всё тут!

Вот смотришь на неё – Агата. С макушки до пяток.

Чуть не на голову выше меня, стройная. Длинные густые волосы, большие глаза, прямой нос. Хорошая работа – сотрудник отдела по связям с общественностью в перспективном, пусть и не столичном издательстве. Ну что ещё нужно женщине для счастья!

Но она упорно считает себя невезучей.

С периодичностью примерно в месяц в её жизни случаются жесточайшие разочарования, в основном в мужчинах. В такие дни я должна служить не то жилеткой, не то огромным носовым платком, впитывая Агаткины рыдания и жалобы на весь мужской род оптом.

Судя по её рассказам, у неё просто талант притягивать к себе женатых проходимцев, жаждущих необременительной интрижки на стороне.

Впрочем, сама Агата долго не заикливается на собственных проблемах. Пара дней страданий – и вот уже она подхвачена вихрем нового головокружительного романа с очередным обломком чьего-то брака, загулявшего от благоверной налево.

– Танька, привет! Никак курить начала? – орёт мне через всю курилку Агата, окруженная нашими мужиками.

Здесь, как единственная курящая женщина, она королева. Да и, честно говоря, по ней сохнут все особи противоположного пола, трудящиеся в нашей редакции. Но у нее принцип – никаких служебных романов, так что мужики наши только зря оттачивают на ней свои приёмы обольщения.

– Иди к нам! – радостно машет мне рукой Агатка, приглашая куда-то в самую гущу табачного облака.

– Ну уж нет, – встаю я на дыбы.– Давай лучше выйдём отсюда в коридор. Пассивное курение, оно, мать, препротивная штука. А мне поговорить с тобой позарез нужно.

– Так уж и позарез? – шурит свои зеленые глаза Агатка, но начинает проталкиваться к выходу. Она заинтригована такой срочностью.

Мы с ней знакомы уже пару лет. Совсем небольшая разница в возрасте – увы, не в мою пользу – и общая проблема неустроенности семейной жизни быстро нас сдружили.

Двух лет мне с лихвой хватило для того, чтобы изучить не такой уж сложный Агаткин характер. Она просто обожает тайны и секреты. Эту девицу хлебом не корми – дай найти интригу там, где ею и не пахло. Начиталась в детстве книжек. Так и норовит приписать всем вокруг какие-то авантюрные качества. Да и вообще, все чувства у Агатки словно возведены в квадрат: шумно выражаются и бурно переживаются.

– Ну что там у тебя, выкладывай скорее, а то умру от любопытства, – аж пританцовывает от нетерпения подруга.

– Даже и не знаю, стоило ли тебя отрывать от такого важного дела, как сокращение собственной жизни путём курения, – поддразниваю я.

– Мать, не томи, я тебя когда-нибудь убью за твои шуточки. К делу давай ближе, к делу. До конца перерыва, между прочим, всего пятнадцать минут.

– К делу так к делу, – говорю я и достаю из кармана давешний бумажный огрызок с телефоном и именем Ирина. Агатка старательно изучает его с обеих сторон и непонимающе смотрит на меня. На её безмятежно гладком лбу появляется пара складочек, что в её исполнении означает глубочайшую задумчивость.

– Ну и? – требует она дальнейших объяснений.

– «Интернет-знакомства. Лучший способ поиска второй половины», – воспроизвожу я по памяти текст объявления, кажется, чуть его переврав.

– И-и-и-и-и-и! – радостно взвизгивает подруга и бросается душить меня в объятиях.– Дозрела! Наконец-то решилась вылезти из своей скорлупы! Я-то уж начала было думать, что ты после развода так и прокукуешь в девках до гробовой доски.

– А то ты у нас замужем!

– Дак не сравнивай, я-то всегда в поиске, пусть пока и неудачном, а ты сидишь сиднем и ждёшь, когда под лежачий камень вода потечёт. Нет уж! Вставай, мать, и на охоту!

До самого конца перерыва Агатка разглагольствует на «охотничьи» темы, а после решительно заявляет, что «это дело» надо непременно отпраздновать и сегодня мы собираемся у нее сразу же после работы маршрутом через кондитерский отдел ближайшего гастронома.

Глава 3

Вооружившись тортиком с идиотской надписью «Поздравляю!», мы шумно вваливаемся в коммунальную Агаткину квартиру, вспугнув соседку Ираиду Сергеевну – старушку «божий одуванчик», и рыжую кошку, подобранную Агатой на соседской помойке и названную Годзиллой за фантастический аппетит.

Всего каких-то пять минут – и вот уже облегченно свистит закипевший чайник, а на блюде красуется торт, освобожденный от картонных доспехов. Мы сидим в Агаткиной комнате за антикварным круглым столом, на старинных стульях, обитых узорчатой материей, и, шумно прихлёбывая из горячих чашек, расслабленно спорим.

– А может ну их, эти Интернет-знакомства, – говорю я между двумя глотками чая. – Знаешь пословицу: «Не было у бабы хлопот – купила поросё»? Одна моя знакомая лет пять назад дала объявление в газету, так её чуть не смыло лавиной слезливых писем из мест заключения.

– Так то – газета, – возражает Агатка, – газеты всякая шушера читает, а в интернете народ интеллигентный, образованный да и не бедный – компьютер у нас не каждому по карману. Найдёшь себе академика какого-нибудь заслуженного или, на худой конец, профессора и будешь жить припеваючи, диссертации ему набело переписывая.

– Ага, так они и толкутся там, в Интернете, академики да профессоры, меня дожидаясь. Уже в очередь, наверное, встали. Они же все поголовно женатики.

– Ну хорошо, не профессора. Тогда бизнесмена.

– Из «новых русских», о которых народ анекдоты слагает. В малиновом пиджаке и с пальцами веером, – хмыкаю я. – Скорее всего, вершиной моих поисков станет какой-нибудь щупленький, очкастый начинающий кибернетик, которого мне же ещё придётся содержать на свою зарплату.

– Да ну тебя, мать, всё ты вечно высмеиваешь. Я сейчас серьёзно. Надо шагать в ногу со временем. На дворе уже середина девяностых, скоро двадцать первый век, почему бы не найти себе мужика через компьютер? Я вот, например, рискнула бы попробовать. «Мы познакомились в Интернете», – полузакрыв глаза декламирует она нараспев. – Звучит романтично

– Ну и в чём дело? – оживляюсь я. – Давай, вперёд! А я после подтянусь, если ты себе и вправду выловишь приличного мужа во всемирной паутине. Мне почему-то кажется, что в паутине можно только дохлую муху найти. Но если ты горишь желанием, мы на тебе опыт поставим, как на лабораторной мыши. Согласна?

Агатка раздумывает ровно десять секунд. Авантюризм, кажется, снова вскипает в ее крови.

– Да запросто! Где там твоя бумажка с номером? Давай перепишу себе, – Она грозит мне пальцем. – Ох и хитра ты, мать! Втравливаешь меня в историю, а сама в кусты?

Подруга торопливо царапает цифры на бумажной салфетке и выскакивает с ней в коридор, где стоит телефон – один на всю квартиру.

Уж не знаю: не нарочно или из вредности, дверь в комнату она за собой прикрывает, и разговор мне не слышен.

Возвращается Агатка минут через десять, напустив на себя таинственный вид.

– Ну что? – спрашиваю я.

– Полный порядок. Встреча высоких договаривающихся сторон состоится завтра, – отвечает она.

Больше от нее по существу ничего узнать не удаётся. Без дальнейших комментариев Агата отрезает себе огромный кус торта и вгрызается своими крепкими белыми зубами в надпись «Поздравляю!»

Ладно, подождём, пока сама расколется. Встретимся завтра на работе – всё расскажет.

– Слушай, мать, а к чему бы это во сне себя голой видеть? – меняю я тему.

Агатка у нас неровно дышит к мистике, гороскопам и прочим подобным штучкам. Сонник она чуть ли не наизусть выучила. Обожает толковать чужие сны. Уж не знаю, кем она себя мнит – Фрейдом или Нострадамусом, только к ней вся редакция бежит со своими кошмарами.

– Голой, говоришь? – оживляется Агата, оседлав любимого конька. – Ты во сне купалась голой или в зеркале себя видела? А может, это был эротический сон? Ты уж, мать, как у врача, не стесняйся, рассказывай.

– Эротический! Ха! Куда там! Несусь я нагая по лесу, а за мной мужик гонится какой-то. Ножом пырнул, в конце концов, – так и померла я в том лесу. Очень похоже на эротический сон? Проснулась вся в холодном поту.

– Ну, если отбросить версию о вещем сне... – лукаво щурится Агатка.

– Типун тебе на язык.

– Тогда разложим твой сон по полочкам. Видеть себя голым во сне – к неразумным поступкам. Если тебя преследует кто-то – это к неудачам в ближайшем будущем. А умирающим себя во сне видеть – к болезни. Насколько я помню. Если хочешь, сейчас загляну в сонник, уточню.

– Нет, спасибо. Ты мне уже и так достаточно всего приятного напророчила. Значит, говоришь, болезнь, неприятности и неразумные поступки в ближайшем будущем?

– Вроде того. В любом случае, сон плохой.

– Вот и будь после этого оптимистом.

– Да ладно, не бери в голову. Объялась, небось, на ночь. Жратва тебе всю ночь на желудок и давила. Отсюда и кошмары. Лучше скажи, над чьей рукописью сейчас работаешь? Что-нибудь интересное?

- Новое творение Ларисы Берсеневой. «Скажи счастью «да» называется.
- Надо будет обязательно прочесть. Ты же знаешь, я женские романы обожаю.
- Охота же тебе на такую муру время тратить.

– Много ты понимаешь. Читаю и тебе советую. Это ведь – как лекарство от хандры. Вроде чужой роман хэппи-эндом закончился, не твой, а настроение всё равно поднимается. Сидишь, мечтаешь, и кажется, что и в твою жизнь скоро постучится какой-нибудь принц, – вздыхает подруга мечтательно.

– Кстати, – делает неожиданный скачок Агаткина мысль, – на днях наше издательство заключило договор с одним начинающим автором, Михаилом Кожиным, о публикации серии его романов. Детективных. Но не в этом суть. У меня была возможность пообщаться с ним в кулуарах. Преинтереснейший представитель мужской породы, между прочим. Я всё своё обаяние включила на полную катушку, но, увы! Кажется, я не в его вкусе. Хотя и решительного "нет" я тоже не услышала. Так что я всё ещё надеюсь. Впрочем, если у тебя получится его заарканить, я не обижусь. По агентурным данным он не женат. Какой мужик пропадает! Ты бы, мать, взяла это дело на контроль. Если правка рукописи достанется тебе, используй шанс.

– Агатка, брось свои замашки сводни деревенской, я уж как-нибудь сама разберусь со своей личной жизнью, – сержусь я уже по-настоящему.

Прощаемся мы часа через два, когда оживленная улица за окном пустеет. В автобусе я снова вынимаю из кармана уже полусмятую бумажку с телефоном и именем Ирина и, задумавшись, рассматриваю её. Меня терзают сомнения. Может, стоит всё-таки попробовать? Но, выходя из автобуса, я решительно комкаю бумажный обрывок и вместе с использованным проездным билетом бросаю его в урну.

Глава 4

Назавтра я посыпаюсь совершенно больная. Голова раскалывается, горло дерет, всё тело крутит и ломает.

«Умиравшим себя во сне видеть – к болезни», – вспоминаю я вчерашние Агаткины слова. Вот, блин, вешунья, накаркала!

Надо встать и вызвать на дом врача, но ощущение такое, что к каждой конечности привязано по двухпудовой гире. Собрав в кулак волю, совершаю настоящий подвиг, поднявшись с постели и дохромав до телефона. Звонок в поликлинику – вызов врача на дом. Звонок в издательство. Всё. Можно опять упасть в постель и попытаться хотя бы выспаться всласть, пользуясь редкой возможностью.

Вирус на этот раз я подцепила какой-то на редкость вредный, и следующие десять дней я медленно прихожу в норму, поедая невероятное количество предписанных лекарств. Мне уже начинает казаться, что все эти многочисленные таблетки прямо-таки гремят внутри моего желудка при любом резком движении.

Целыми днями я валяюсь в кровати, завернувшись в одеяло, как огромное окуклившееся насекомое. Жизнь скрашивает только телевизор.

Телефон мою жизнь, напротив, омрачает, ибо периодически голосом Доры Сергеевны напоминает, что для того, чтобы издательство уложилось в намеченные сроки издания нового романа Берсеневой, мне лучше как можно скорее вернуться к правке.

Измученная совестью, я, едва почувствовав, что в состоянии твёрдо держаться на ногах, выхожу на работу, презрев возможность продлить больничный. Дора права: пора и честь знать. Спасибо болезни за десятидневный отпуск.

В офисе меня встречают с распростертыми объятиями. Оказывается, я не единственная жертва мерзкого вируса, конкретно проредившего редакционный штат, и здесь рады каждой лишней паре рук и кучке мозгов.

В обеденный перерыв первым делом спешу в курилку на поиски подруги. Десять дней не виделись всё-таки. Она даже не позвонила, не поинтересовалась, как моё здоровье. Бьюсь об заклад, её опять увлекло бурным романом.

– Привет! – изобразив на лице улыбку, здороваюсь я с курящими мужичками, одновременно, отмахиваясь от окутывающего меня табачного облака. – Полежаева здесь?

В курилке, где до этого момента стоял ровный гул от нескольких одновременных разговоров по разным углам, вдруг повисает тишина, и все лица одновременно поворачиваются ко мне.

– Ты что, не в курсе? – каким-то странным голосом спрашивает стоящий ко мне ближе всех Мишка Кравцов из отдела рекламы.

– Не в курсе чего? – по-прежнему бодро улыбаясь, вопрошаю я.

– Так это... Агату убили.

Я смотрю на Мишу, пытаюсь прочесть на его лице, что всё это глупый розыгрыш, но постепенно до меня доходит, что он не шутит, и улыбка медленно сползает с моих губ.

– Как убили? Когда? Кто? За что? – заваливаю я Мишу кучей вопросов.

Постепенно народ в курилке снова обретает дар речи, и на меня сыпятся подробности со всех сторон.

Мне сообщают, что несколько дней назад тело Агаты обнаружила её соседка по коммунальной квартире. Девушка была задушена. Милиция завела уголовное дело. В редакцию приходил следователь, расспрашивал всех. Похороны Агаты состоялись позавчера. Судя по всему, меня либо забыли известить, либо решили не беспокоить больного человека, поэтому я, похоже, последней узнала печальные новости.

Я еле досидела до конца рабочего дня, и как только часовая стрелка на моих часах коснулась, наконец, цифры пять, пулей выскочила из офиса.

Ноги сами понесли меня в сторону Агаткиного дома. Мне не верилось, что всё, рассказанное мне, произошло на самом деле.

Неужели Агатки больше нет? Такой жизнерадостной, полной эмоций! Неужели она лежит сейчас глубоко под землёй в узком деревянном ящике?

До сих пор судьба была милостива ко мне, и я не сталкивалась так близко со смертью. Родители мои до сих пор живы-здоровы, а бабушки-дедушки перебрались на тот свет ещё до того, как я стала осмыслять окружающий мир.

Помню, в детстве, когда умирал кто-нибудь из нашего многоэтажного дома, человек мне совершенно чужой, которого я и в лицо-то не знала, мне казалось даже интересным наблюдать за тем, как выносят во двор две табуретки, после ставят на них гроб с восковолицым покойником, и вокруг него толпятся родственники и друзья. Как во двор въезжает машина или автобус, гроб, словно мебель при переезде, погружают в кузов, туда же кладут бумажные венки, залезают люди, и всё исчезает, словно и не было ничего, только раздавленные цветы, разбросанные по земле, согласно традиции, остаются грустно вянуть на солнце.

Тогда смерть казалась мне чем-то торжественным и таинственным, но вовсе нестрашным. Сейчас она застала меня врасплох, пройдя от меня так близко.

Я долго стояла в тот день во дворе дома, в котором жила Агата, глядя на окно её комнаты и глотая слёзы, пока мой желудок, некормленный с самого утра, не напомнил о себе голодными спазмами. Да и местные обитатели начали уже нехорошо коситься на меня.

Что ж, вот и попрощалась с подругой. Пора домой. Завтра опять на работу.

Жизнь не хочет притормаживать свой бег из-за одного маленького винтика, выпавшего из её механизма. Подумаешь, не стало человечка. Всё равно, что потеря одного муравья в масштабах муравейника. Остальные муравьи продолжают свою упорядоченную суету.

И я точно так же завтра побегу по своему кругу и повлачу своё существование дальше, в котором больше не будет моей жизнерадостной подруги. Закон городских джунглей.

Громко вздыхаю, вкладывая в этот вздох все остатки своего горя, и медленно бреду к автобусной остановке, кутаясь в шарф и только сейчас ощущая, как я продрогла под пронизывающим осенним ветром.

Глава 5

На следующий день мне на работу позвонил следователь, ведущий дело об убийстве Агаты. Представившись Анатолием Петровичем Гуляевым, он сказал, что хотел бы побеседовать со мной – наверняка в издательстве уже растрепали ему о нашей с Агатой дружбе.

Отказываться от встречи было глупо, и я назначила наше свидание в обеденный перерыв в кафе неподалёку от издательства.

На мой вопрос, как мы узнаём друг друга, Гуляев ответил, что уж он-то меня как-нибудь узнает: работа у него такая, а сам он будет держать в руках коричневую папку на «молнии».

Папка оказалась в руках неожиданно молодого человека чуть ниже среднего роста, рыжего и веснушчатого, с располагающей простоватой физиономией, но из-под рыжих ресниц, как два буравчика, внимательно смотрели карие глаза, сверля собеседника. Обведя ими зал, он безошибочно двинулся прямо в моём направлении.

Перед тем как сесть за уже облюбованный мной столик в углу, Анатолий Петрович снял и пристроил на спинку своего стула кожаную куртку. На плечах следователя обнаружились капитанские погоны, и я мысленно накинула товарищу Гуляеву лет десять к его молодому виду.

– Ещё раз здравствуйте, Татьяна Владимировна. Извините, что грубо вмешиваюсь в ваш обеденный перерыв. Это не допрос, а просто небольшая беседа. Я предполагаю отнять у вас не больше пятнадцати минут. Столько вы можете мне уделить?

Надо же, какое воспитание! Какая вежливость! Вот уж никогда бы не подумала! Надеюсь, он не рассчитывает, что я накормлю его за это обедом за свой счёт.

– Не извиняйтесь, это же я сама предложила встретиться в кафе. Буду рада, если смогу вам хоть чем-то помочь, – блеснула манерами и я. – К тому же, мой обед уже почти окончен, – отодвинула я от себя тарелку и, устраиваясь поудобнее со стаканом сока в руках, всем своим видом избрала внимание. – Я вас слушаю.

– Скажите, как давно вы были знакомы с Агатой Полежаевой?

– Около двух лет, с тех самых пор, как я устроилась работать в «Пегас».

– Делилась ли она с вами подробностями из своей личной жизни?

– Да, и иногда довольно откровенными. Уточните, пожалуйста, что вас интересует. Не ждёте же вы, что я их сейчас все подряд буду вам пересказывать?

Гуляев пропустил подковырку мимо ушей.

– Ну, допустим, рассказывала ли она вам о своих отношениях с мужчинами?

– Да. Но никогда ни с кем не знакомила лично, называла их только по именам, без фамилий. Обычно она бросалась в очередной роман с головой, и пока между нею и предметом её увлечения царил полное согласие, Агата вовсе не распространялась о подробностях. Более откровенной она становилась после очередного разрыва. Знаете, счастливая в личной жизни женщина может обойтись и без подруги. Зато каждой несчастной женщине подруга просто необходима. Вот в такие моменты Агата и рассказывала мне о своих мужчинах.

– Вам известно с кем у неё был последний роман?

– В сентябре она ездила на Чёрное море с каким-то Аликом. Кажется, он даже сделал ей предложение руки и сердца. Вернувшись с курорта, они разругались.

– На какой почве?

– Самой банальной. Алик этот оказался давно и прочно женат.

– Вы уверены, что после Алика никого больше не было?

– Уверена. Весь остаток сентября и первую половину октября мы довольно часто общались, и Агата постоянно жаловалась на полную неустроенность личной жизни на текущий момент. Нет, пояись у нее мужчина, это не укрылось бы от моего внимания. Мы, женщины, чувствуем, когда где-то рядом заводится роман или интрижка, как кошки чувствуют приближение землетрясения. Я уверена, что у неё никого не было. Она даже объявление в Интернете собиралась разместить. Не знаю, сделала она это или нет, потому что на следующий день после того, как мы с ней это обсуждали, я заболела, а потом случилось это... Ну, в общем, я больше её не видела.

Капитан, насторожился:

– А что это за объявление в Интернете, о котором вы упомянули?

Я пожала плечами:

– Вообще-то, это была моя идея. Увидела объявление на автобусной остановке около моего дома, оторвала листочек с телефоном, сунула в карман, а позже, когда была в гостях у Агаты, предложила ей попытать счастье таким образом.

– Вы сами звонили по этому телефону?

– Нет.

– Вы помните текст этого объявления?

– Только приблизительно. Что-то про знакомства через Интернет, буквально пара строчек, номер телефона и женское имя.

– Какое?

Изящным движением кисти я нарисовала в воздухе математический знак бесконечности.

– Не помню точно. То ли Ирина, то ли Марина.

– А номер телефона?

Я посмотрела на капитана Гуляева, как на ненормального. Неужели сам он держит в памяти кучу ненужных телефонов?

– Тем более не вспомню. Кажется, в нём было несколько одинаковых цифр. Семёрок или двоек. Я в тот же вечер выбросила этот листок. К сожалению, это всё, чем я могу вам помочь, – попыталась я дать понять Анатолию Петровичу, что пора свёртывать нашу беседу – перерыв-то не резиновый.

Товарищ следователь намёка не понял и продолжил свой допрос как ни в чём не бывало:

- Скажите, Агата звонила по номеру, указанному в объявлении, в вашем присутствии?
- Нет, она звонила из коридора, а я находилась в комнате.
- Вам был слышен разговор?
- Нет.
- Она пересказала вам после содержание разговора?
- Нет, сказала только, что на следующий день у неё назначена встреча по этому поводу.
- С кем?

Во мне уже начало вскипать тихое раздражение от этого пинг-понга из вопросов и ответов. Но не пошлешь ведь капитана милиции открытым текстом.

- Понятия не имею. Наверное, с этой Ириной-Мариной.

– Скажите, а не хранила ли Агата у себя каких-то очень ценных вещей? – круто сменил тему Анатолий Петрович.

- Коллекцию фамильных бриллиантов? – я не удержалась и уже в открытую съязвила.

– Зря иронизируете по этому поводу, Татьяна Владимировна. Я пытаюсь найти причину, по которой ваша подруга была убита. Вполне возможно главной целью преступника были какие-то ценности.

– Какие там ценности! Да, Агата рассказывала мне, что прабабушка её была известной оперной певицей, всю жизнь собирала коллекцию живописи. Но за годы войны почти вся коллекция разошлась в обмен на продовольствие – только так членам семьи и удалось выжить в блокадном Ленинграде. Потом семья ещё несколько раз переезжала, а, как известно, один переезд равен двум пожарам, так что от всего бывшего великолепия в семье осталась всего одна небольшая картина. Агата называла мне имя художника, кажется, Коровин, не помню точно. Я в живописи не очень-то разбираюсь. Агата говорила, что это полотно дорого стоит, но продавать она его не собирается, потому что это память от бабушки, так оно и висит у неё в комнате.

- Вы имеете в виду пейзаж над диваном? – перебил меня Анатолий Петрович.

- Да.

«Раз Гуляеву известно, что это был именно пейзаж и что висел он над диваном, значит, картина осталась на месте», – сообразила я.

- Было ли в комнате ещё что-то ценное?

Я пожала плечами:

– Ну, музыкальный центр, телевизор, сервиз фарфоровый, тоже доставшийся в наследство... Она любила хорошо одеваться, на это всю зарплату тратила: шуба у неё была из нутрии, платьев, костюмов куча, бельё дорогое.

– Драгоценности?

– Были у неё какие-то цепочки, колечки. В основном подарки от мужчин. Она их особо не прятала, держала в жестяной коробке из-под чая на трюмо. Там же хранила и деньги.

Анатолий Петрович что-то записал в маленький блокнотик и задумчиво произнёс:

– Марку музыкального центра случайно не помните?

– Да я её никогда и не знала.

– Гм, ладно, – наконец-то Анатолий Петрович поднялся из-за стола и потянулся за своей курткой.

– И последний вопрос, – произнёс он, уже застегнувшись на «молнию» и взяв под мышку свою коричневую папку. – Скажите, вы случайно не знаете среди близких знакомых Агаты высокого широкоплечего мужчину?

– Ну, таких у нее был не один десяток. Вы уверены, что с этим человеком у Агаты был роман?

– Мужчина с такими приметам был, по словам соседки, у Агаты в день убийства.

Я уверенно помотала головой:

– Если у неё и был этот мужчина, то уж не по амурным делам, это точно. Со своими кавалерами она предпочитала встречаться на их территории. Это правило она соблюдала строго.

– Что ж, спасибо вам за содействие. Позвоните мне, если вспомните что-нибудь ещё. Вот моя визитка. Здесь служебный и сотовый.

Я растягиваю губы в вежливую улыбку, беру визитку, мы прощаемся, и я провожаю взглядом до выхода из кафе невысокую фигуру товарища Гуляева.

Вечером, возвращаясь после работы, я пытаюсь найти то самое объявление на стене дома у автобусной остановки.

Увы! Мои попытки безуспешны. Судя по всему, оно уже кем-то сорвано, и на его месте красуется теперь фотография неестественно улыбающейся женщины в купальнике, с закинутыми за голову руками и выпяченным вперёд плоским животом. «Хотите узнать, как похудеть?» – вопрошает рекламная дива.

Чувствуя, как во мне вскипает прилив весёлого хулиганства, я не выдерживаю, достаю из сумки фломастер и пишу под вопросительной фразой своё резюме: «Не надо много жрать!»

Дав этот совершенно бесплатный, выстраданный на собственном опыте, совет всем желающим, я топаю домой, чувствуя, что отступившее на мгновение мрачное настроение, вновь начинает одолевать меня.

Глава 6

Всю следующую неделю я вкалываю на пределе, преследуя две цели сразу. Во-первых, отвлечься от мыслей об Агаткиной смерти, а во-вторых, успеть сдать вовремя роман Берсеневой. Дело продвигается медленнее, чем хотелось бы.

Если бы проблема редакторской правки рукописи заключалась только в исправлении грамматических ошибок, то, быстренько подправив орфографию и синтаксис, я бы на этом закруглилась.

Увы! Мадам Берсеньева – человек, увлекающийся сюжетом настолько, что различные мелочи просто ускользают от её внимания. То у неё героиня в начале эпизода появляется в бикини, а через пару минут её страстный любовник почему-то расстёгивает на ней платье, неизвестно как на ней оказавшееся. То она садится в автомобиль, а выходит по неизвестным причинам из автобуса.

Да ещё если учесть, что порой мне приходится исправлять фразы типа: «она хотела что-то сказать, но открывшаяся дверь закрыла ей рот», то стоит ли удивляться, что сроки сдачи поджимают.

Очередной рабочий день не предвещающий, на первый взгляд, ничего из ряда вон выходящего, неожиданно комкается странной новостью, принесённой мне на хвосте Галочкой Суриковой из рекламного отдела. Она заглядывает в мой кабинет минут через десять после начала трудовой смены, держа в лапках свёрнутую трубочкой газету и, пуча глазки, интересуется:

– Тань, это ты у нас, кажется, новый труд Берсеневой обрабатываешь?

– Ну, я. А что? Какие-то проблемы?

– Ага. Проблемы. Только не у нас. У Берсеневой. Читала свежую прессу? – Она раскатывает газетную трубочку и тычет маникюром в крупный заголовок. – Вчера её нашли мёртвой в собственной квартире. Лучшей рекламы её новой книге просто не придумаешь. Уже решено тираж увеличить в два раза.

Наслаждаясь произведённым на меня впечатлением, Галочка чуть не забывает о цели своего визита:

– Да, я зачем пришла-то... Мне надо узнать фабулу последнего романа Берсеневой. Там, случайно, главная героиня не умирает во цвете лет? Или, может, на худой конец, убивают там кого-нибудь?

– Галка, ну откуда у Берсеневой убийство? Ты же знаешь, в её романах даже таракана-то ни разу не убили, не то что человека. Там всё опять про любовь. Ну и тем более, где ты видела, чтобы в женском романе главная героиня погибала?

– Жаль, – кровожадно вздыхает Сурикова. – Представляешь, как лихо можно было бы закрутить рекламную компанию! Придётся раскидывать мозгами в другом направлении.

Она убегает, хлопнув дверью и забыв на столе газету. Я пробегаю глазами статью о смерти Берсеневой.

Так... Была найдена мёртвой вчера в собственной квартире... Очевидно, произошла утечка бытового газа... Судя по упаковке лекарства, лежавшей на туалетном столике, Берсенева приняла перед сном сильное снотворное, и её не разбудил бы даже выстрел из пушки, не то что запах газа. Зато запах этот почувствовали соседи, которые и подняли тревогу... Когда дверь в квартиру Берсеневой была взломана, писательница была ещё жива, хотя и находилась в бессознательном состоянии. Она скончалась через пятнадцать минут в машине «скорой помощи» по дороге в больницу... В пишущей машинке найден чистый лист с единственным напечатанным словом – «Завтра». Нелепая смерть оборвала только-только начавшуюся работу над новым романом... Ну, это уже пошла лирика. Дальше неинтересно.

Итак, вроде бы никакого криминала. Бытовуха.

Мысли мои возвращаются к работе. Галка права: издательство обязательно захочет воспользоваться ситуацией с трагической смертью Берсеневой для рекламы её последнего романа. Роман должен быть издан как можно скорее, пока ещё сенсация не остыла, а значит, мне надо вкалывать по-стахановски. Благо, осталось мне закончить всего ничего – к концу дня управлюсь.

Я с головой погружаюсь в работу. Какое-то время тишину в моём кабинетике нарушает только тихое скрипение бегающей по бумаге ручки и шуршание страниц. Переворачивая очередную страницу рукописи, я замечаю маленький листок с напечатанным текстом, очевидно послуживший закладкой: «92-22-72. Ирина». Я уже хочу отложить его в сторону, как вдруг моя рука повисает в воздухе. Мне точно знаком этот телефонный номер! Я уже где-то видела раньше и сам этот листочек.

В памяти всплывает объявление на автобусной остановке.

Не может быть! Таких совпадений не бывает. Но если присмотреться внимательнее, этот листок с одной стороны имеет неровные края, как если бы его действительно оторвали от объявления. Но от того ли самого? Память на цифры у меня не очень хорошая. Может, я зря провожу параллели, и это телефон одной из подруг ныне покойной госпожи Берсеневой или номер её маникюрши?

Способ выяснить истину только один, и я снимаю телефонную трубку.

– Добрый день. Вас слушают, – прозвучал в трубке приятный женский голос.

– Ирина?

– Да.

– Я по объявлению, насчёт знакомства в Интернете. Вы оказываете такие услуги? – спросила я и замерла в ожидании ответа. Сейчас пойдёт меня эта Ирина куда подальше.

– Да, конечно, – ответила трубка уже совершенно сахарным голосом. – Это именно то, чем мы занимаемся: соединяем одинокие души в счастливые пары.

Я мысленно готовилась к отрицательному ответу, и такой поворот событий стал для меня полной неожиданностью. Получив слишком хорошее воспитание, не позволяющее мне прерывать разговор на полуслове, я промямлила первый пришедший мне в голову вопрос:

– И сколько стоят ваши услуги?

Цены оказались настолько приемлемыми, что не смогли послужить достойным поводом для моего отступления. Не оставляя мне возможности передумать, сладкоголосая Ирина перешла в контратаку:

– Всё, что от вас потребуется, – это заполнить небольшую анкеточку и предоставить несколько своих фотографий. Это вы сделаете при личной встрече. Давайте я запишу вас, скажем, на завтра, на шесть часов вечера. Вас устраивает это время? Я продиктую вам адресочек. Нас очень легко найти.

Ого, как меня ловко взяли в оборот! Я сижу, немного ошалелая, глядя на трубку, из которой доносятся короткие гудки. Так значит, это тот самый телефон. Звонила ли по нему Лариса? Если да, ходила ли на встречу? Встречалась ли с Ириной и Агата? Имеет ли эта Ирина какое-то отношение к смерти моей подруги?

Я просто обязана это выяснить. Не успокоюсь, пока не взгляну на эту электронную сваху.

В конце концов, мне лично это ничем не грозит. Ну, в крайнем случае, найдёт она мне какого-нибудь мужа. Решено. Завтра встречаюсь с Ириной.

Вечером я вытаскиваю с антресолей фотоальбомы в поисках подходящих снимков. С трудом нахожу несколько приличных своих фото, на которых в объектив не лезли бы из-за моего плеча ещё чьи-то лица.

Увлёкшись процессом, до глубокой ночи перебираю черно-белые и цветные застывшие моменты моей жизни. Погружаюсь в воспоминания. Сетую на свою дырявую память, утерявшую многое из того, что ещё помнят фотографии. Решаю начать вести дневник, как когда-то, в девичестве.

Достаю из письменного стола тетрадь на девяносто шесть листов в скучной серой обложке, открываю и пишу, пишу, потоком сознания выплёскивая на бумагу всё, что произошло со мной за последние недели.

Становится легче: словно поговорила с кем. Засыпаю прямо за письменным столом, уронив голову на исписанную страницу.

Передо мной возникает Агаткино лицо, и она громко и членораздельно произносит: «Видеть себя голым во сне – к неразумным поступкам». Я вздрагиваю, просыпаюсь, чуть не упав со стула, осознаю ситуацию и тащу своё затёкшее тельце на диван. Перед тем, как снова погрузиться в сон, успеваю подумать: «Интересно, мой звонок по тому загадочному телефону, это разумный или неразумный поступок?»

Глава 7

Утро на рабочем месте начинается по-боевому. Открывая дверь своего кабинета, я уже слышу, как надрывается на моём столе телефон. Оказывается, меня жаждет услышать давешний мой знакомец, Анатолий Петрович Гуляев. Он огорошивает меня одним единственным вопросом:

– Скажите, Татьяна Владимировна, не упоминала ли Агата при вас когда-нибудь имени Вениамин?

– Нет, – удивлённо отвечаю я, не раздумывая.

– Не торопитесь, вспомните, – мягко настаивает следователь.

– На память не жалуюсь, – начинаю тихо свирепеть я: за дуру он, что ли, меня держит? – Уж такое редкое имя я бы точно запомнила.

Не успела я открыть рот, чтобы поинтересоваться, какое отношение имеет этот Вениамин к Агате, как, буркнув то ли «спасибо», то ли «до свидания», Анатолий Петрович повесил трубку.

Куда только подевались его приличные манеры, которыми он так поразил меня в кафе! А самое главное, что он оставил меня умирать от любопытства, кто такой этот Вениамин. Это жестоко с его стороны...

Вениамин... Веня... Не знаю ни одного Вениамина, кроме актера Смехова.

Ещё минут пять я ломаю мозги над этой загадкой, потом говорю себе вслух: «Да, воистину, трудно вспомнить то, чего не знаешь», – и в таком слегка взвинченном состоянии, открываю лежащую передо мной папку с рукописью.

С романом Берсеневой я вчера разделалась. Дора Сергеевна только что подбросила мне свежую работёнку.

«За час до убийства». Михаил Кожин», – читаю я на обложке папки.

Кожин... Где-то я уже о нём слышала. Ну, разумеется, это тот самый тип, которого так нахваливала Агата. Как в воду она глядела – действительно мне придется править его рукопись.

Я частенько разговариваю сама с собой. Привычка, тянущаяся за мной из самого детства. Вот и сейчас я развязываю трудно поддающиеся тесёмочки папки, нараспев бормоча себе под нос возникающие в моей голове рифмы:

– Интересно, что ещё за Кожин? Может, ни кожин, ни рожин? А хорошо ли сложен?

И вздрагиваю от неожиданности, услышав мужской голос за своей спиной:

– Не знал, что вы увлекаетесь стихосложением, помимо своих редакторских обязанностей.

Круто разворачиваюсь на своём вращающемся стульчике и упираюсь взглядом в высокого, крепкого сложения, мужчину с упрямым подбородком и серыми глазами какого-то стального оттенка.

– Простите, с кем имею дело? – произношу я вежливо-холодным тоном.

– Как вы точно выразились. Именно так. На данный момент мы с вами имеем одно общее дело, и это дело – мой роман «За час до убийства», – обаятельно улыбается мой собеседник. – Позвольте представиться. Кожин Михаил Борисович.

Я запоздало заливаюсь краской. Вот, блин, ничего не скажешь – вовремя он вошёл. Надо, надо избавляться от своей отвратительной привычки разговаривать вслух.

Пытаясь исправить положение, я пожимаю протянутую мне руку и бодро представляюсь:

– Рощина Татьяна Владимировна.

– Я уже знаю, как вас зовут. Только что разговаривал с заведующей отделом. Это она подсказала мне, где вас найти. Я к вам вот по какому вопросу. Татьяна Владимировна, раз именно вы будете редактировать мой роман, у меня к вам большая просьба: не исправляйте в тексте ничего, кроме ошибок.

– Что вы имеете в виду? – поднимаю я бровь.

– Я слышал, многие редакторы страдают профессиональным заболеванием, которое я бы назвал "зуд карандаша". Они беспощадно кромсают и извращают авторский текст. Вы не из таких? Знаете, я очень серьёзно и добросовестно подходил к каждой строке, к каждому слову. Не хотелось бы, чтобы мой труд претерпел большие изменения под вашим пером, – он подкупающе улыбается, достаёт из-за спины и кладёт на мой стол шоколадку огромных размеров.

– Что это? Взятка я не беру.

– Это не взятка, а знак внимания очаровательной женщине, – с шутливым поклоном отвечает мне Кожин.

Подозреваю же, что это голая лесть, а всё равно таю.

– Михаил Борисович, сразу видно, что вы автор начинающий. Я могу вас успокоить. У меня нет ни времени, ни желания переписывать заново ваши произведения. Я просто исправляю ошибки: грамматика, иногда стилистика. Вы, кажется, пишете детективы? Не переживайте, я не поменяю преступника и жертву местами, – улыбаюсь я, про себя заметив, что одолевшее с утра раздражение куда-то улетучилось, и получаю в ответ ещё одну обаятельную улыбку «начинающего автора».

– А сейчас извините меня, но мне надо работать, – говорю я, давая понять, что аудиенция окончена, и добавляю, уже склоняясь к папке на столе, – над вашим романом, между прочим. До свидания, Михаил Борисович.

– До свидания, Татьяна Владимировна, – большой человек неловко разворачивается в моём крошечном кабинетике, задевает плечом полку, на которой стоят словари и моя любимая кружка, с которой я всегда бегаю к девчонкам в соседний отдел погонять чай.

Пара книг и кружка летят на пол.

Словари отделяются испугом, зато кружка – в осколки.

Кожин виновато начинает извиняться, я останавливаю поток извинений взмахом руки – ну не убивать же мне его за разбитую посуду! – и выпроваживаю писателя из кабинета.

Собирая осколки, я бормочу себе под нос в качестве успокоительного средства: «Посуда бьётся к счастью – верная примета». Остаток рабочего дня проходит в труде и в тщетном ожидании обещанного счастья.

Глава 8

Ровно в шесть часов я робко нажимаю кнопку звонка у обшарпанной, обитой коричневым дерматином двери квартиры в типовой «хрущобке». Да, в общем, я и не ожидала, что меня примут в шикарном офисе.

Хорошо хоть, что всего второй этаж, потому что лифта в этом доме отродясь не было, а после рабочего дня топтать пешком куда-нибудь чуть не на чердак – сомнительное удовольствие.

Дверь распахивается, но – вот уж чего я точно не ожидала – за дверью никого нет. Точнее, никого нет на уровне моих глаз, потому что через долю секунды откуда-то снизу раздаётся:

– Здравствуйте, проходите.

Я вздрагиваю и ошеломлённо опускаю взгляд: передо мной в инвалидной коляске, с пледом на коленях, сидит красивая женщина лет тридцати. Точнее, это женщина когда-то была красива, но теперь несколько неровных, грубых шрамов безобразят её лицо, искривляя точёные черты.

– Здравствуйте, – выдавливаю я из себя, всеми силами пытаюсь скрыть замешательство, но, боюсь, мне это плохо удаётся.

Я никак не могу определиться, куда пристроить взгляд: кажется одинаково невоспитанно смотреть в лицо этой женщине или отводить глаза куда-то в угол.

Наверное, уже привыкшая к такой реакции на её уродство, женщина коротко поясняет: – Автомобильная авария. Семь лет назад.

Потом торопливо, словно боясь услышать слова сочувствия, она улыбается, отчего её лицо причудливо перекашивается, и произносит:

– Я – Ирина. А вы, наверное, Таня? Мы с вами договаривались на шесть часов, верно? Вы пунктуальны. Это замечательное качество.

– У меня есть в запасе ещё несколько не менее замечательных качеств. Надеюсь, мужчины их оценят, – натужно шучу я, чтобы разрядить обстановку.

Женщина опять улыбается своей странной улыбкой – словно морщится от боли, затем гостеприимно предлагает:

– Куртку можете повесить вот сюда, на вешалку. Нет-нет, не разувайтесь. Сумочку можете оставить здесь, на столике.

– Я возьму её с собой.

– Как хотите. Пожалуйста, проходите в комнату: прямо по коридору и налево. А я пока сварю кофе. Вы не желаете чашечку?

– Спасибо. С удовольствием. Чёрный и без сахара, если можно.

Она кивнула, и, тихо шурша колесами инвалидного кресла по линолеуму, удалилась в направлении, противоположном указанному мне.

Я несмело двинулась по коридору и остановилась на пороге средних размеров комнаты, оклеенной забавными обоями с плюшевыми мишками. Кажется, раньше она служила детской. Теперь же в ней вдоль одной стены жались друг к другу большой уродливый шифоньер и продавленный узкий диванчик, а у другой стены размещался письменный стол, на котором стоял пузатый компьютерный монитор и валялось множество каких-то исписанных бумаг, бумажек и клочков бумаги. Пара стульев не первой молодости довершала меблировку.

Здесь меня ожидала ещё одна неожиданность. За компьютером спиной ко мне сидел мужчина. Над спинкой стула мне были видны широкие плечи, обтянутые свитером, и лысина, уже начинающая хозяйничать на голове владельца в окружении волос блеклого, линяло-соломенного цвета.

Очевидно, он не слышал моих шагов, так как продолжал что-то увлеченно печатать на компьютере. Я вежливо кашлянула, заявляя о своём присутствии. Мужчина оглянулся через плечо, напечатал ещё несколько знаков, наверное, ставя точку в своей работе, и после этого повернулся ко мне.

Лицо у него оказалось не более выразительным, чем затылок. Такое увидишь – и через пять минут не сможешь воспроизвести в памяти. На вид ему было около тридцати пяти-сорока лет.

– Проходите, пожалуйста, – извиняющимся тоном сказал он. – Я не слышал, как вы вошли. Желаете разместить своё объявление в Интернете?

– Да. Но погодите, разве этим занимаетесь вы? Почему же у вас в объявлении указано женское имя?

Пойманный мною на этом несоответствии, он, похоже, вовсе не смутился.

– Позвольте вам объяснить. Имя, указанное в объявлении, это имя моей жены Ирины. Она помогает мне. У нас своего рода семейный бизнес, можно так сказать. Из нас двоих в компьютерах хорошо разбираюсь только я, так что большую часть работы беру на себя. Но представьте, что в объявлении о подобного рода услугах было бы указано мужское имя. Вы лично позвонили бы тогда? Только честно.

– Нет.

– То-то и оно. Над людьми довлеют стереотипы. Почему-то считается, что свахой обязательно должна быть женщина. Может быть потому, что «сваха» – слово женского рода? Но, поверьте, в наш век прогресса нет никакой разницы, какого пола будет тот человек, который отправит ваши данные на какой-нибудь брачный сайт в Интернете. Компьютер – это просто машина, и ему всё равно, чья рука нажмёт нужную клавишу: женская или мужская.

Всё это произносилось таким убедительным тоном, что я невольно почувствовала симпатию к человеку, так увлеченному своим делом.

В эту минуту в комнату вкатилась Ирина на своей инвалидной коляске, держа в руках поднос с изящной чашечкой.

– Кофе для вас. Чёрный, как вы и просили.

– Большое спасибо, – поблагодарила я.

Одной рукой всё ещё держа поднос, другой рукой Ирина протянула мне чашку. Сделала она это так неловко, что немного кофе вылилось на край моего рукава.

Увидев это, Ирина испуганно взглянула на своего мужа, побледнела, залопотала извинения. Я мысленно поблагодарила небеса за то, что сегодня на мне довольно затрапезный свитер, а не белая шёлковая блузка.

– Ради бога, простите мою неуклюжесть! Вот, возьмите салфетку, попробуйте оттереть, – засуетилась женщина.

Разумеется, кофейное пятно так легко не сдалось.

– Вы знаете, это пятно лучше попытаться застирать, пока оно свежее, – предложила Ирина. – Игорь, покажи, пожалуйста, где у нас ванная.

Ага, так значит, её мужа зовут Игорь. Мог бы сам представиться в начале нашего знакомства. Впрочем, он, скорее всего не успел это сделать. Я ведь сразу наехала на него, словно танк.

Игорь поднялся из-за компьютера, оказавшись выше меня на целых полторы головы. Проведя меня по коридору до места назначения, он включил свет в ванной и, предоставив мне дальше хозяйничать самой, вернулся в комнату.

В ванной я открыла кран, потом, не снимая свитера, намочила край рукава под струёй воды, намылила его и вновь сунула под воду.

Мой ум, не в состоянии долго оставаться праздным, между тем начал пытливо вопрошать: а что это Ирина так испугалась, когда опрокинула на меня кофе? Может, у нее муж – домашний тиран? Другим дарит семейное счастье, а сам на досуге ее поколачивает? А может, про аварию – вранье, и это Игорь побоями довел жену до инвалидной коляски? «Воистину, – оборвала я себя – все-таки надо заняться писательством – у меня чересчур богатая фантазия». И вообще: у этой искалеченной Ирины хотя бы есть муж. А у меня при всей моей здоровой

внешности – нет. И ещё неизвестно, кто из нас больше несчастлив. Я вздохнула, просушила рукав полотенцем и вышла из ванной.

В комнате Ирины уже не было. Судя по всему, маленькая неприятность с кофе вызвала Игоря на откровенность – он заговорил извиняющимся тоном:

– Вы простите, пожалуйста, мою супругу. Ей очень нелегко. С тех пор, как с ней случилось несчастье, она очень изменилась: стала такой эмоциональной, нервной. Ведь она раньше работала манекенщицей у знаменитого модельера Александра Зуева. У неё были блестящие перспективы. Сами понимаете, что после случившегося пришлось забыть про работу и карьеру. Ирина очень тяжело это переживала. Но сейчас, кажется, немного свыклась со своим положением, если с ним вообще можно смириться женщине. Ей нравится помогать мне. Так она чувствует себя нужной, причастной к какому-то делу. Да и мне ее помощь не лишняя. Ведь сначала этот бизнес не был основным моим занятием. По профессии программист, я работал в небольшой компьютерной фирме. Знаете, как началась моя карьера свахи? Пару лет назад одна девушка, работавшая со мной, попросила меня разместить её на каком-то сайте знакомств. Я помог. Кажется, она удачно вышла замуж, потому что после этого меня начали осаждать её подруги с такой же просьбой. Я считаю, что каждый труд должен быть оплачен, поэтому установил приемлемую таксу за свои услуги. Это оказалось приятным дополнением к моей не очень большой зарплате. И пошло-поехало. Так я и стал «электронным свахом». Сначала Ирина не очень-то была довольна, что я занялся таким делом. Наверное, ревновала к клиентам. Потом, как я уже сказал, стала оказывать посильную помощь. И вообще, это дело благодарное. Приятно помогать людям обрести счастье. Звонят потом, благодарят, шлют свадебные фотографии. Хотите посмотреть?

На протяжении всего этого монолога я только кивала головой без каких-либо комментариев и реплик, так что на последний вопрос я по инерции снова кивнула, и Игорь, порывшись на столе, извлёк из-под груды бумаг засаленный тощий фотоальбом. Было интересно рассматривать незнакомых мне людей, держащихся за руки и счастливо или застенчиво улыбающихся в объектив.

– Даже немного завидно стало, – пошутила я, возвращая альбом владельцу.

– Значит, надумали всё-таки размещаться? – встрепенулся он.

Я поколебалась пару секунд, вспоминая, с какими непонятными обстоятельствами оказался связан телефон этого человека. Но он смотрел на меня такими честными глазами, и мне казалось, что вместе с ним, приглашая меня присоединиться к их счастью, замерли сейчас в ожидании все удачно женатые пары, только что увиденные мной в альбоме. Симпатия перевесила осторожность.

– Ну, давайте попробуем, – неуверенно произнесла я.

Глава 9

– Для начала познакомимся. Меня зовут Игорь Олегович Бармин, но лучше просто Игорь. А вас?

– А меня зовут Татьяна Владимировна Рощина. Можно просто Татьяна.

– «Итак, она звалась Татьяной», – процитировал «свах» классика. – Замечательно. Давайте я вам расскажу, что мы с вами будем делать. Сперва вам придётся немного потрудиться. Вот, – он протянул мне листок с отпечатанным текстом и ручку. – Это анкета. Заполните её, пожалуйста. А я пока займусь вашими фотографиями – мне нужно их отсканировать. Не бойтесь, я их вам тут же верну.

Я вынула из сумочки несколько снимков, протянула Игорю, затем придвинула свой стул ближе к столу, и пристроила анкету на самом краешке столешницы, свободном от бумаг.

Первые же несколько пунктов вопросника удивили меня. Помимо имени, роста, цвета глаз и волос, образования и прочих параметров, мне предлагалось назвать свой домашний адрес и телефон.

Всегда жила по английской поговорке: «Мой дом – моя крепость» и терпеть не могу разбрасываться своими координатами направо и налево.

– Скажите, Игорь, а для чего мне необходимо указывать свой телефон да ещё и домашний адрес в придачу? – отвлекла я «электронного сваха» от возни со сканером. – Вы что, собираетесь опубликовать их в Интернете?

– Ни в коем случае! – замахал он руками в ответ. – Объявление в Интернете – самый безопасный способ знакомства. Часть ваших данных, конечно, будет выложена на нашем сайте, но никакая конфиденциальная информация не будет обнародована ни в коем случае. Мы просим указывать эти данные на случай, если нам с вами необходимо будет срочно связаться по какому-либо вопросу. Всякое бывает. Например, вдруг на ваше имя поступят цветы, подарок или письмо не по электронной, а по обычной почте или через курьерскую службу от заинтересовавшегося вами мужчины.

– И что, действительно шлют цветы и пишут? – недоверчиво спросила я.

– Такой интересной девушке, как вы, мешками будут письма приходиться.

Немного успокоенная таким неуклюжим комплиментом «в лоб», я продолжила заполнение анкеты. Через пять минут я споткнулась о пункт «О себе».

– Здесь что, автобиографию писать?

– Конечно, нет, – засмеялся Игорь. – В этой графе обычно излагают то, что помимо сухих анкетных данных вы хотите сообщить о себе тому, кто будет читать это объявление. Здесь царит вольный стиль. Можете написать в шуточной форме или в романтических выражениях – это не важно. Главное здесь – показать себя с лучшей стороны. Никаких отрицательных качеств – вы понимаете, конечно же. Всё только самое хорошее о себе, любимой. Не бойтесь показаться нескромной. Это тот самый случай, когда сам не похвалишь – никто не оценит.

– А вот этот пункт: «Ваши требования к партнёру»? Что писать здесь?

– Какими качествами должен обладать человек, с которым вы хотели бы познакомиться. Тут уж каждый пишет, кто во что горазд: кому-то важна внешность, кому-то душевные качества, кому-то важнее всего толщина кошелька. Решать вам.

Наконец, я заполнила анкету до конца и протянула её Игорю.

– Давайте взглянем, что у вас получилось, – он забежал глазами по строчкам. – Прекрасно. У вас хороший слог. Чувствуется творческая личность. Вы случайно не пишете книги? – уставился он на меня пристально.

– А почему вы спрашиваете? Автографы собираете? – ответила я вопросом на вопрос.

– Да нет, просто не так давно ко мне по объявлению уже приходила одна писательница, – отвёл он глаза на монитор компьютера, то ли сделав вид, то ли действительно внимательно рассматривая только что отсканированное изображение.

Я внутренне напряглась. Ко мне опять вернулось ощущение опасности. Уж не Берсеньеву ли он имеет в виду?

Игорь же продолжал говорить, по-прежнему не глядя на меня:

– Ко мне вообще приходят люди самых разнообразных профессий. От продавщицы до балерины – все хотят быть счастливыми. Знаете, со столькими людьми приходится общаться, столько жизненных историй выслушивать! Впору самому становиться писателем.

Неожиданно прервав самого себя, он снова повернулся в мою сторону:

– Ну вот, ваши фотографии отсканированы и слегка отретушированы. Теперь они готовы к отправке на сайт. Хотите на них взглянуть?

Результат меня поразил. Лет десять с моего лица Игорь скинул, это точно. Исчезли морщинки и тени под глазами. Цвет лица – как у жизнерадостного младенца с обертки гематогена. Я вообще редко себе нравлюсь на фотографиях. Но на этот раз... Ну, мужчинки, держитесь! Точите перья, пишите письма. Я сама себе была готова написать.

– Вот ваши фотографии, возьмите их, они мне больше не понадобятся. Я сохранил их в компьютере в электронном виде. Теперь давайте разберёмся, как будет происходить переписка. Для вас будет создан отдельный почтовый ящик. Это не значит, что ящик будет настоящий, такой же, как тот, что висит в вашем подъезде. Это будет виртуальный ящик – просто небольшое пространство на сайте, где будет храниться ваша почта. Из этого почтового ящика почта автоматически будет пересылаться на ваш компьютер. У вас есть дома компьютер?

– Нет. Но компьютер есть у меня на работе.

– А выход в Интернет?

– Нет... Хотя... Погодите, кажется, есть, – я вспомнила, что у девчонок из отдела по связям с общественностью, где работала Агата, точно подключен Интернет.

– Вы хотите получать свою почту на рабочий компьютер или вы будете приезжать за письмами ко мне?

– Честно говоря, мне далековато до вас добираться, и я бы предпочла получать почту сама. Только нельзя ли сделать так, чтобы, кроме меня никто эту почту не читал?

– Нет проблем. Я создам для вас личный электронный адрес. Он будет защищен паролем, так что никто не сможет читать вашу переписку, – Игорь повернулся к компьютеру. На мониторе замелькали какие-то окошки, Игорь что-то печатал на клавиатуре. Потом он заглянул в заполненную мной анкету, нажал ещё несколько клавиш и сказал:

– Готово. Вот ваш электронный адрес, – он нацарапал его на клочке бумаги и протянул мне, – В качестве пароля я завёл дату вашего рождения. Так вам будет проще его запомнить. Ваши данные я отправлю на сайт уже сегодня вечером. Всё, что от вас отныне потребуется – это не забывать периодически выходить в Интернет и проверять свою электронную почту.

– Вы мне покажете, как это делается?

– Очень просто... – Объяснял Игорь сжато и толково, так что минут через пять я уже в состоянии была запомнить и выдать на практике необходимые манипуляции для проверки своей почты.

Деньги за услугу перекочевали из моей сумочки в руки Игоря. Рукав моего свитера уже подсох. Пора было отступать.

До сих пор ничего угрожающего моей личной безопасности я здесь не заметила. Ну, если только не считать попыткой убийства то, что меня облили горячим кофе.

Зато выяснилось, что здесь бывала какая-то писательница.

Берсеньева? Пока не уверена, но очень вероятно. Что ж, закинем на прощание небольшой крючочек. В прихожей, натягивая куртку, я, как бы между прочим, задаю вопрос:

– Ну и как, выдали вы замуж ту писательницу?

– Какую писательницу? – недоумённо вскидывает брови Игорь.

– Ту, которая к вам по объявлению приходила. Вы мне сегодня рассказывали...

По его лицу пробегает какое-то неуловимое выражение.

– Ах, Ларису! Нет, она куда-то пропала. Перестала звонить, приходила за письмами – она почту на мой компьютер получала. Наверное, повстречала кого-то подходящего и без моего участия. Знаете, так иногда случается, и чаще всего люди забывают меня предупредить, что больше не нуждаются в моей помощи. Но я на них не в обиде. В счастье человек всегда немного эгоистичен.

Игорь возится с замком, потом распахивает передо мной дверь:

– До свидания, Татьяна. Удачи вам в ваших поисках. Если возникнут какие-то вопросы, звоните. Телефон вы знаете. Я обычно всегда по вечерам дома.

– Спасибо вам. Обещаю прислать свою свадебную фотографию в вашу коллекцию, – я с облегчением выскальзываю за дверь.

Выйдя из подъезда, я оборачиваюсь, кидаю задумчивый взгляд на фасад дома. Так значит, Лариса Берсеньева всё-таки приходила сюда. Что это: простое совпадение или?.. И тут я

вздрагиваю от неожиданности: в окне второго этажа, за тюлевой занавеской я замечаю женский силуэт в инвалидном кресле.

В полутьме комнаты я не вижу глаз этой женщины, но уверена, что она пристально смотрит на меня. Острый приступ жалости захлёстывает меня. Я отвожу взгляд и медленно бреду к остановке.

Глава 10

Первое что я делаю на следующий день, придя на работу, это бегу с коробкой конфет в отдел по связям с общественностью. Там я выпрашиваю себе право «одним глазком заглядывать» в Интернет пару раз в день и трясущимися от волнения руками проверяю свой электронный адрес. Ничего. Ну что ж, подождём. Больше ждали.

Возвращаюсь в свою «табакерку» и продолжаю работу над детективом Кожина. К своему удивлению обнаруживаю, что написана вещь неплохо, и сюжет потихоньку начинает захватывать моё внимание, порой даже отвлекая от основной моей задачи – правки ошибок, которых, впрочем, совсем немного.

В обеденный перерыв, жуя прихваченный из дома бутерброд прямо на рабочем месте, пытаюсь загрузить свои мозги математической задачей.

Дано: одна молодая одинокая женщина – Лариса Берсеньева – размещает своё объявление в Интернете и вскоре после этого умирает. Несчастный случай.

Вторая молодая одинокая женщина – Агата Полежаева – с помощью того же Игоря Бармина ищет себе мужа, и через неделю её убивают.

Так. Стоп. А вот это как раз и неизвестно: размещала ли Агата свои данные в Интернете и встречалась ли с Барминым.

Вдруг я ищу черную кошку в темной комнате, а её там и нет? Может, Агата назначила встречу Бармину, но так на неё и не явилась? Может, убийство моей подруги никак не связано с электронным сватовством, и обвинять во всём следует лишь разгул преступности? Ведь Берсеньева не была убита, если верить газетам.

Почему я решила, что эти две смерти как-то связаны? Никаких доказательств тому не существует. Только мои подозрения. Возможно, во всём виновато моё слишком развитое воображение. Нафантазировала себе невесть что.

В конце концов, на свете существует милиция, чтобы ломать себе голову над такими загадками. Им хотя бы за это деньги платят. Да и фактов у них в руках, думаю, побольше, чем у меня. А в условиях моей задачи слишком много неизвестных.

Я решительно встряхиваю головой: нет, мне не под силу докопаться до истины самой. Если я хочу узнать, отчего погибла Агата, и кто её убил, остаётся ждать, когда следователь Гуляев выяснит это. У каждого на этом свете есть своё собственное дело. Надо им заниматься и не лезть в чужую вотчину.

Между прочим, если хорошо подумать, то в профессии милиционера и редактора можно обнаружить нечто общее: я ищу грамматические ошибки в тексте, а следователь ищет ошибки в действиях преступника, чтобы воспользоваться ими и поймать его. Так что мы, в некотором роде, с Гуляевым коллеги.

Я улыбаюсь своему неожиданному умозаключению, сладко потягиваюсь и смотрю на часы: перерыв окончен, хватит играть в сыщика. Меня ждёт детектив Горин – герой романа «За час до убийства».

Говорят, что писатель часто подсознательно наделяет главного героя своими чертами характера и вкладывает в его уста свои мысли. Интересно, как много от себя самого вложил Михаил Кожин в личность частного детектива Горина?

То мимолётное знакомство, которое у нас состоялось с Михаилом, почему-то не даёт мне покоя. Есть в Кожине какая-то харизма. И эта его манера улыбаться... Когда он серьёзен, лицо у него строгое, непроницаемое. А потом вдруг всю эту серьёзность в один миг стирает улыбка, да ещё такая заразительная, что невольно улыбаешься в ответ. Не зря Агатка когда-то на него «запала» – я невольно вспомнила наш с ней последний разговор и то, как она мне сватала Кожина.

Сбегав после обеда ещё раз проверить электронную почту, я вновь возвращаюсь ни с чем. Неужели моё так замечательно отретушированное фото не привлекло ничего взгляда? Ведь я вовсе не уродина. А если и уродина, то уж точно довольно симпатичная. Жильём обеспечена. Дети не обременены. Чего ещё нужно этим мужикам? Небось, сидят мечтают о Синди Кроуфорд, не меньше. А к зеркалу подойти и посмотреть на себя самокритичным взглядом ума не хватает.

И вообще, есть в этих заочных знакомствах, по крайней мере, один недостаток: разместила объявление, и не знаешь, что за «фрукт» откликнется. Как в сказке: выпустил молодец стрелу из лука, а кто ту стрелу поднимет: красна девица или жаба зелёная – это уж как повезёт.

Не верится мне, что из этой затеи с Интернетом что-то выйдет. Таких, как я, только на этом сайте, небось, тысячи, и каждой подавай принца. Где же их, этих принцев, на всех набрать? Тем более, если их в пору в Красную книгу заносить, как исчезающий вид. И на что я надеюсь, дура?

Мысленно обрував себя за наивность, возвращаюсь к работе. Похождения частного детектива Горина в обработке Михаила Кожина продолжаются.

Исправляя ошибки, я успеваю следить за развитием событий. Узел интриги затягивается всё туже. Неожиданно в произведении возникает романтическая сюжетная линия.

Вот уж не ожидала. У детектива Горина завязываются шуры-муры клиенткой, нанявшей его. Интересно. Если считается, что автор невольно переносит какие-то свои качества характера на своего главного героя, то уж в образе главной героини он, наверняка, выведет свой идеал женщины.

Забавно узнать, каков же он у Михаила Кожина. Внимательно читаю описание героини: «высокая брюнетка со спортивной фигурой и короткой стрижкой», – ну просто полная моя

противоположность! Если у господина Кожина и существует личный донжуанский список, мне, похоже, не грозит в него попасть. Да, всё-таки та шоколадка точно была взяткой, а не знаком внимания.

Усилим воли приказываю себе прекратить размышлять о Кожине и до конца рабочего дня думаю только о работе. Вот, наконец, и заветные пять часов. Сегодня пятница, и впереди меня ждут выходные, но это почему-то не радует. Опять просижу субботу и воскресенье с книгой на диване.

Раньше мы часто по выходным выбирались с Агаткой в город: людей посмотреть, себя показать, или бродили по магазинам, примеряя кучу различной одежды и покупая какие-нибудь приятные мелочи. А теперь, со смертью подруги, в моей одинокой жизни стало ещё больше пустоты.

Собаку, что ли, завести? Так меня целыми днями нет дома, а с собакой надо гулять, играть. Лучше кошку тогда. Кошка менее социальное животное. Да и хлопот с ней меньше.

Стоп!

Кошка!

А ведь у Агаты была кошка. Как я могла забыть? Что с нею стало? Надо обязательно завтра зайти и спросить у соседки. Как же ту звали? Ираида Павловна? Нет, Ираида Сергеевна, точно. Ну вот, у меня и нашлось дело на этот уикенд.

Чуть приободрившись, я быстро собираюсь, запираю кабинет и выхожу на улицу. Не успеваю я пройти по тротуару и пяти метров, как наперерез мне вдруг быстрым шагом направляется какой-то мужчина. Я узнаю его только когда между нами расстояние сокращается до минимального, и увильнуть от встречи просто невозможно.

– Добрый вечер, Татьяна Владимировна! – расплывается он в улыбке.

– Вечер добрый, Михаил Борисович! Гуляете?

– Не угадали. Я ждал вас.

– Меня? – совершенно искренне удивляюсь я.

– Именно, – отвечает Кожин.

Я всматриваюсь в его лицо, ища какой-нибудь подвох, но оно совершенно серьёзно.

– И зачем же вы меня ждали? – я стараюсь говорить бесстрастным официальным тоном, за которым всегда прячу своё смущение.

– Хотел подарить вам вот это, – он протягивает мне красиво упакованную в целлофан и перевязанную ленточкой кружку.

– Опять взятка?

– Вовсе нет. Просто решил возместить вам причиненный ущерб. Кажется, когда мы виделись в прошлый раз, я нечаянно кое-что разбил.

Кожин всовывает кружку в мои руки, и я машинально сжимаю её в пальцах, чтобы не уронить.

– Не мог спокойно спать. Всё думал, как вам там работается над моим романом без допинга в виде кофе или крепкого чая. Так, не ровен час, и заснуть можно над моим скучным сюжетом, – лицо его непроницаемо, но в глазах пляшут весёлые чёртики.

Я чувствую, что надо в тон ему ответить шуткой, но всё моё остроумие, до сих пор меня не подводившее, словно парализовано. Я устала. Я хочу есть. И я не понимаю, к чему этот непонятный диалог посреди оживлённой улицы под противным мелким морозящим дождём. Чего хочет от меня этот человек?

– На комплимент напрашивается? – произношу я, стараясь, чтобы голос мой звучал как можно безразличнее. – Думаете, я сейчас начну горячо вас разубеждать, что ваш роман вовсе не скучен, а, напротив, гениален? Вы, наверное, тщеславны, как все писатели. Должна вас разочаровать: я не литературный критик, я редактор. И вообще, я спешу.

Я резко поворачиваюсь на каблуках, намереваясь уйти.

– А вы, как все редакторы, за буквами и строчками не хотите видеть человека, написавшего их, – обиженно парирует Кожин, своими словами вынуждая меня вновь остановиться. – Вас, редакторов, хлебом не корми – дай только поисправлять, повычёркивать. Вот я, например, только-только появился в вашей жизни, а вы уже спешите меня вычеркнуть из неё. Но почему? Неужели я вам так глубоко несимпатичен? Ведь вы меня ещё совсем не знаете. А вдруг на самом деле я белый и пушистый?

В голосе писателя звучит неподдельное огорчение, и от этого мне становится стыдно за своё стервозное поведение. Человек ко мне со всей душой. Кружку вот подарил. А я с ним веду себя по-хамски. Это всё мои издёрганные за последнее время нервы. Но он-то тут ни при чём.

Я опять поворачиваюсь к нему и миролюбиво говорю:

– Ну, если вы белый и пушистый, надеюсь, вы не сильно линяете на ковры, в противном случае я сочту эти ваши качества отрицательными...

Глава 11

Через десять минут мы уже сидим вдвоём в небольшом, но уютном кафе, попиваем кофе и болтаем обо всём и ни о чём.

Неожиданно для самой себя я обнаруживаю в Кожине интересного собеседника. Я ловлю себя на ощущении, будто знаю его уже многие годы, настолько мне легко с ним общаться. Мы с ним словно настроены на одну и ту же волну.

Ещё больше меня поражает в Михаиле то, что он умеет не только хорошо рассказывать, но и слушать. Его умный, внимательный взгляд вдохновляет меня на какие-то длинные рассказы.

Я сама не замечаю, как успеваю изложить ему чуть не всю свою биографию. Это я-то, человек по натуре скрытный!

Позже, анализируя этот вечер, я пойму, что из нас двоих больше трепалась я. Он же, в основном, шутил и расспрашивал меня, изящно уходя от большинства моих вопросов.

О себе Кожин рассказал очень мало: тридцать девять лет, разведён, живёт один. Уже год как увлёкся сочинительством. Пишет в свободное от работы время, но, если первые романы будут пользоваться спросом, с удовольствием перейдёт в статус профессионального писателя.

Вот, пожалуй, и всё, что я узнала о нём в тот вечер. То есть, по большому счёту, ничего. Но я почти физически ощущала огромное обаяние его личности. Я чувствовала себя, как сухой лист, упавший в бурный поток и влекомый куда-то в неведомую даль.

Просидев в кафе несколько часов кряду и выпив, наверное, весь имевшийся у них в наличии кофе, мы, наконец, выходим на улицу. Кожин останавливает проезжающее мимо такси.

Ныряя с холодной улицы в тёплую глубину машины, я уже хочу поблагодарить его за этот джентльменский жест и попрощаться, но он опускается на сиденье рядом со мной:

– Разрешите вас проводить. Я хочу быть уверен, что с вами ничего не случится, и вы благополучно будете доставлены домой.

Я для приличия слабо протестую, но мне приятна такая забота обо мне. Я так давно её не ощущала.

Не оставляя мне выбора, Кожин захлопывает дверцу автомобиля. Я называю водителю адрес и наше такси, плавно тронувшись с места, плывёт по освещённому жёлтыми огнями городу, а мы всё говорим, говорим, как будто два старых друга, которые не виделись десять лет.

Уже стоя на моём крыльце, мы всё никак не можем расстаться, увлечённые беседой.

Я чувствую себя немного хмельной от такого количества мужского внимания, неожиданно свалившегося на меня. Я несу всякую чепуху, уже боясь остановиться, потому что не хочу прощаться с этим человеком и своими руками обрывать такой чудесный вечер.

Я разглагольствую, глядя прямо в эти серые глаза с холодным стальным оттенком, и вдруг, к собственному страху, понимаю, что читаю в них обожание. Так в мелодраматических фильмах мужчина обычно смотрит на женщину перед тем, как её поцеловать. Осознав это, я испуганно замолкаю на полуслове.

Повисает пауза. Мы стоим, как два дурака, глядя друг на друга, и молчим. Я не выдерживаю и произношу жутко банальную фразу:

– Почему вы на меня так смотрите?

– Как так? – ещё более банально отвечает Михаил, продолжая ласкать меня взглядом.

– Так пристально, как будто... как будто оцениваете.

– Разве? Я, между прочим, вас уже давно оценил. В первое же мгновение, как увидел.

– Да? И на сколько же баллов я «потянула»? – пытаюсь я всё ещё перевести выходящую из-под контроля ситуацию в шутку.

– На двенадцать, – не задумываясь отвечает Кожин.

Я даже прихрюкиваю от такой наглости.

– Маловато. Это по какой же шкале?

– По шкале Рихтера. По максимуму. Вы потрясающая женщина. Вас надо оценивать только по той же шкале, по которой оценивают землетрясения.

И, не давая мне опомниться, он целует меня.

Поцелуй длится несколько мгновений, но они кажутся мне целой вечностью. Первойрываю его я и, отпрянув, спрашиваю чуть охрипшим голосом:

– Как это понимать?

– Очень просто. Похоже, я нашёл женщину, которую искал всю свою жизнь.

Он опять тянется ко мне, но я уклоняюсь от поцелуя и отступаю на шаг назад.

– Будьте осторожнее со словами. Я могу в них поверить. Вы писатель и умеете говорить цветисто. С таким талантом можно соблазнить любую женщину, ведь, как известно, женщины любят ушами.

Кожин открывает рот, пытаюсь что-то мне возразить, но я продолжаю говорить:

– Знаете, я не любительница, как бы это сказать, маленьких приключений без взаимных обязательств. Понимаете, что я имею в виду? А я знаю, что для вас это будет именно такое маленькое приключение, ведь я совершенно не похожа на ваш идеал женщины.

Теперь серые глаза смотрят на меня с крайним удивлением.

– Мой идеал женщины? Но как вы-то можете знать что-нибудь об этом?

Я довольно путано объясняю свои умозаключения насчёт высокой спортивной брюнетки, выведенной в романе «За час до убийства» в качестве главной героини. Кожин внимательно, с самым серьёзным видом выслушивает меня, а потом заливается смехом:

– Так вы, оказывается, увлекаетесь психологией. Не знал. Но должен вам сказать, что вы попали пальцем в небо. То ли вы такой неважный психолог, то ли я такой неправильный писатель, но я вовсе не из тех людей, которые в своём творчестве выворачивают душу перед читателем наизнанку и вкладывают всего себя в свои книги. Я не случайно пишу детективы. Этот жанр – замечательная гимнастика для ума. Знаете, для меня написать детективный роман – это будто решить сложную шахматную задачу или математическое уравнение. Каждый раз, когда я начинаю работу над новым произведением, это как вызов: сумею ли я сплести хитроумную интригу, а в конце книги разложить всё по полочкам. Своих героев я создаю, словно

математические модели. Любой человек, увиденный мной на улице, или в магазине, или просто по телевизору, может стать прототипом очередного моего персонажа. Видите, как всё скучно. Не стоит устраивать фрейдистский разбор моему творчеству. Вы потерпите неудачу. В моих книгах нет моих идеалов и грёз. Там сплошная механика.

Я рада, что сумела перевести нашу беседу со своей персоны на более безопасные рельсы, потому что пока не готова к такому бурному развитию событий с поцелуями и клятвами, и уж тем более не собираюсь приглашать Кожина подняться ко мне и попить чайку.

В конце концов, мы знакомы всего второй день. К тому же, после этого неожиданного поцелуя в моей голове всё так смешалось, что я вряд ли способна сейчас поддерживать беседу даже на отвлечённые темы.

Я лихорадочно соображаю, как же теперь вывести наш разговор на финишную прямую. Ничего путного не придумав, я с очаровательной женской непосредственностью заявляю, что очень устала и мне пора домой.

Михаил провожает меня до лифта, по дороге выпытывает номер моей квартиры и телефона и выпросив у меня разрешение позвонить в выходные.

Пока старый лифт неторопливо ползёт на вызов кнопки, Кожин успевает спровоцировать меня ещё на один поцелуй.

На это раз я уже не спешу оборвать его, и, застигнутые врасплох, мы оба недовольно хмуримся на распахнувшиеся дверцы лифта, напомнившие нам о реальности.

Ковырнув замок ключами, я влетаю домой, как на крыльях. Сумка летит в одну сторону, сапоги – в другую.

Мне нужно срочно поделиться с кем-то своей радостью, иначе я просто взорвусь. Я вспоминаю про недавно начатый дневник. Присев к столу, я достаю из ящика серую тетрадку и атакую её своими восторгами.

Через полчаса я уже в постели. Мой мозг, усталый и переполненный впечатлениями, проваливается в сон, едва я закрываю глаза.

Глава 12

Я просыпаюсь от телефонного звонка. Подскочив на постели, спросонья ещё почти ничего не соображая, подбегаю к телефону и снимаю трубку:

– Алло!

На том конце провода тишина.

– Алло! Говорите! Вас слушают, – начинаю злиться я.

В трубке раздаются короткие гудки. Я смотрю на часы и коротко чертыхаюсь. Всего восемь часов утра. Это же надо было поднять меня в такую рань в субботу. Я возвращаюсь в постель, но сон уже не идёт. Придётся вставать.

Сколько раз я давала себе торжественное обещание делать зарядку хотя бы по выходным, но лень намного сильнее моих добрых намерений и не отпускает меня из своих цепких коготков.

По дороге в ванную я делаю несколько энергичных махов руками, и на этом моя утренняя гимнастика заканчивается.

Соорудив себе на завтрак яичницу и поковыряв её вилкой, я вспоминаю о вчерашнем намерении съездить на квартиру, где жила Агата, и узнать, что стало с её кошкой.

Ключей от Агаткиной квартиры у меня, разумеется, нет, но если пожилая соседка ещё окончательно не впала в маразм, то она вспомнит меня и впустит.

Стоп. А ведь не так давно всплыл какой-то важный момент, связанный с этой Ираидой Сергеевной. Но какой? Я лихорадочно перелистываю в памяти последние несколько дней.

Точно!

Разговор со следователем.

Ведь Гуляев ясно тогда сказал, что соседка видела предполагаемого убийцу Агаты и даже описала его внешность.

Во мне опять просыпается сыщик. Почему бы и не попытаться расспросить старушку. Возможно, она расскажет мне то, о чём говорила следователю, а может, мне она поведаст даже больше, чем ему, кто знает?

С транспортом мне повезло – ждать долго не пришлось, и уже минут через сорок я вошла в пахнувший кошками подъезд, поднялась по ступенькам и позвонила в дверь, которая ещё, наверное, помнила звяканье Агаткиных ключей в своём замке.

Сначала за дверью была полная тишина, потом я уловила осторожное шарканье тапочек, но по-прежнему никто не открывал. Я позвонила ещё раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.